

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія полковника Веллеслэя о Россіи во время мира
и войны (1871—1877 г.г.).

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году уже вторымъ изданіемъ вышла любопытная книга полковника Веллеслэя, бывшаго въ продолженіе шести лѣтъ англійскимъ военнымъ агентомъ въ Петербургѣ при Александрѣ II¹⁾. Онъ самъ въ предисловіи къ своей книгѣ не придаетъ ей особой важности, а говоритъ только, что въ ней находится «много различныхъ анекдотовъ о Россіи въ мирное и военное время». Дѣйствительно, Веллеслэй не сообщаетъ серіозныхъ, основательныхъ свѣдѣній о странѣ, обществѣ и народѣ, съ которыми онъ, повидимому, не былъ близко знакомъ, а только поверхностно черпалъ о нихъ анекдотическія данныя. Вообще, иностранные посланники, а тѣмъ болѣе военные агенты, въ сущности говоря, привилегированные политическіе шпіоны, а потому Веллеслэй хорошо изучилъ только то, что касалось его специальности, именно военного дѣла, и въ этомъ отношеніи все, сообщаемое имъ, не только болѣе или менѣе справедливо, но вселяетъ къ себѣ сравнительное довѣріе. На этомъ основаніи свѣдѣнія въ его книгѣ относительно русскаго военного быта чрезвычайно интересны и основаны на болѣе или менѣе точныхъ, закулисныхъ данныхъ. Напротивъ, треть книги, относящаяся до столичной и провинціальной жизни, далеко не вселяетъ такого довѣрія и не возбуждаетъ большого интереса. Поэтому мы преимущественно остановимся на военныхъ замѣткахъ,

¹⁾ With the Russians in peace and war, by F. Wellesley. London. 1905.

относящихся до времени, предшествовавшего восточной войнѣ, и на воспоминаніяхъ англичанина о первой половинѣ этой войны, когда онъ лично сопровождалъ русскую армію.

Отецъ Веллеслэя былъ много лѣтъ англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и потому сынъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія о томъ, въ чемъ состояла должность военного агента при посольствѣ. Находясь адъютантомъ при 1-мъ гвардейскомъ батальонѣ въ Лондонѣ, онъ постоянно желалъ получить подобное мѣсто въ одной изъ европейскихъ столицъ. Лѣтомъ 1871 г. Лондонъ посѣтилъ великій князь Владимиръ Александровичъ и завтракалъ съ своей свитой у офицеровъ 1-го батальона; сидѣвшій рядомъ съ Веллеслэемъ русскій офицеръ спросилъ его, бывалъ ли онъ въ Россіи. Услышавъ отъ него, что нѣтъ, и что онъ очень желалъ бы побывать тамъ, офицеръ, смѣясь, сказалъ: «Отчего же вы не поѣдете къ намъ военнымъ агентомъ? Полковникъ Блэнъ только что умеръ, и его мѣсто еще не занято». Это извѣстіе такъ подѣйствовало на Веллеслэя, что тотчасъ послѣ завтрака онъ отправился за справкой въ штабъ тогдашняго главнокомандующаго арміей, герцога Кембриджскаго. Но тамъ ему объявили, что онъ слишкомъ молодъ на этотъ постъ, уже предложенный одному генералу, который, однако, отказался. Веллеслэй былъ разочарованъ, но чрезъ нѣсколько дней узналъ, что герцогъ Кембриджскій, переговоривъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Гренвилемъ, о желаемомъ Веллеслэемъ назначеніи, былъ на это согласенъ. Такимъ образомъ состоялась его поѣздка въ Россію.

Прибывъ въ С.-Петербургъ во время маневровъ, Веллеслэй представился императору Александру II въ Ропшѣ и былъ принятъ чрезвычайно любезно. «Я долженъ сказать, — пишетъ онъ, — что всѣ иностранные военные агенты пользуются въ Петербургѣ самымъ широкимъ гостепріимствомъ при дворѣ, а во время пребыванія гвардіи въ Красномъ Селѣ ихъ принимаютъ, какъ личныхъ гостей императора. Каждый изъ нихъ имѣетъ нѣсколько комнатъ со всѣми удобствами, и ему прислуживаетъ придворный лакей. Въ продолженіе пребыванія въ лагерь, отъ четырехъ до шести недѣль, въ его распоряженіе предоставляется придворный экипажъ парю, а по утрамъ ему присылаютъ верховую лошадь изъ императорской конюшни. Въ 12^{1/2} час. всѣ возвращаются съ ученія, и въ большой деревянной постройкѣ происходитъ завтракъ. Послѣ этого лагерь обращается въ мертвый городъ, такъ какъ, позавтракавъ, русскіе имѣютъ обыкновеніе отдыхать. Около пяти часовъ снова отправляются на военное ученіе, послѣ котораго происходитъ въ томъ же общемъ зданіи обѣдъ. Позднѣе подаютъ чай и кофе, а затѣмъ отправляются спать». Первый дебютъ Веллеслэя въ русскомъ обществѣ былъ не изъ очень пріятныхъ. Въ честь его офицеры конногвардейскаго полка дали обѣдъ въ

Красномъ Селѣ. Все время Веллеслей было выпилъ безконечное число бокаловъ шампанскаго, почти съ каждымъ изъ сорока офицеровъ, а послѣ десерта была устроена жженка. Празднество кончилось торжественнымъ качаніемъ англичанина, что ему очень не понравилось, такъ какъ это произошло послѣ сытнаго обѣда и значительной попойки. Онъ подробно описываетъ, какъ русскіе дѣлали жженку и какъ его качали; но, очевидно, онъ былъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, ибо увѣряетъ, что его качали пѣсенники, тогда какъ, въ сущности, всегда качаютъ сами офицеры.

Съ перваго же времени своего пребыванія въ Россіи, Веллеслей нашелъ необходимымъ научиться русскому языку: безъ знанія его, онъ не могъ ознакомиться съ безконечными томами официальныхъ военныхъ бумагъ и не былъ въ состояніи разговаривать съ большинствомъ офицеровъ или генераловъ. Принявъ къ этому мѣры, онъ въ короткое время добился своей дѣли и отлично говорилъ по-русски. Это помогло ему вполне узнать русскую армію, отъ которой, особенно отъ гвардейскихъ полковъ, онъ былъ въ восторгѣ. «Такъ какъ, только благодаря нынѣшней войнѣ на Дальнемъ Востокѣ,—говоритъ онъ,—японцы были узнаны въ настоящемъ свѣтѣ, то я полагалъ тогда, что турки и русскіе представляли лучшій военный матеріалъ, и что они способны на maximum труда и на minimum пищи; кромѣ того, я убѣжденъ, что, когда напишутъ исторію русско-японской войны, то выяснится, что русскій солдатъ былъ такимъ же отличнымъ солдатомъ, какъ во всѣ времена». Что касается гвардейскихъ офицеровъ, то Веллеслей увѣряетъ, что они отличались не только блестящей выправкой на парадѣ, но и знаніемъ своего дѣла согласно тогдашнему уровню. Конечно, въ армейскихъ полкахъ дѣло обстоило иначе, и бѣдные армейскіе офицеры, плохо оплаченные и расквартированные въ отдаленныхъ деревняхъ, «не имѣли другихъ занятій, особенно зимой, какъ игра въ карты и пьянство, даже съ солдатами». Во время пребыванія въ Россіи Веллеслэя была введена всеобщая воинская повинность, и онъ полагаетъ, какъ это ни странно, что для Россіи эта мѣра была не нужна и не разумна. «Старая рекрутская система давала арміи такое же количество солдатъ, и такъ какъ рекрута набирались всецѣло изъ крестьянъ, то не было никакого понятія о нигилизмѣ; но русскіе сочли необходимымъ рабски слѣдовать примѣру Германіи, и эта военная система не только ввела въ армію недовольство, но развила въ ней революціонный духъ и поколебала дисциплину».

Вообще, по мнѣнію Веллеслэя, въ то время дисциплина въ русскихъ войскахъ, особенно въ гвардіи, была очень странная, и въ ней часто наказывались такіе проступки, которые въ англійской арміи оставались бы безъ вниманія. Напримѣръ, во время свадьбы вели-

кой княжны Маріи Александровны и герцога Единбургскаго, въ Москвѣ, на балу у генераль-губернатора, князя Долгорукова, гдѣ присутствовала вся царская семья, во время котильона, когда кавалеры должны были достать себѣ и своимъ дамамъ стулья, одинъ офицеръ Преображенскаго полка, отличавшійся близорукостью, не замѣтилъ государя и толкнулъ его стульями, которые несъ. Въ ту же минуту это замѣтилъ одинъ изъ начальствующихъ генераловъ и отправилъ офицера подъ арестъ. Точно также подвергнуть былъ тяжелому наказанію эскадронный командиръ, въ эскадронѣ котораго неожиданно занемогла лошадь, которую не могли замѣнить запасной, благодаря нераспорядительности. Еще болѣе поразительный примѣръ, случившійся съ генераль-адъютантомъ во время осады Плевны, пришлось видѣть Веллеслэю. Какъ-то однажды утромъ государь далъ этому генералу порученіе въ Бухарестъ, но на почтѣ не было лошадей, и приготовить ихъ не могли ранѣе двухъ часовъ; поэтому, пользуясь свободнымъ временемъ, онъ вернулся къ завтраку. Замѣтивъ его, государь громко спросилъ: «Я думалъ, что ты посланъ въ Бухарестъ; зачѣмъ ты здѣсь?»... Генераль отвѣчалъ, что не было лошадей. Но государь не принялъ этого въ уваженіе и сердито крикнулъ: «Вонъ!» Несчастный генераль, молча, удалился.

Рядомъ со строгостью дисциплины въ русской гвардіи, по словамъ Веллеслэя, существовала удивительная снисходительность. Такъ однажды, при немъ какой-то гвардейскій офицеръ, приглашенный на завтракъ по близости Краснаго Села, отправился туда, хотя былъ въ этотъ день дежурнымъ. Подѣхавъ къ дому, гдѣ его ожидали, онъ съ ужасомъ узналъ, что тамъ находился какой-то генераль, и потому рѣшился, какъ можно скорѣе, улечься. Но генераль, узнавъ, въ чемъ дѣло, позвалъ офицера и обѣщалъ ему ничего не говорить о нарушеніи дисциплины. Подобный примѣръ, по словамъ Веллеслэя, немыслимъ въ англійскомъ гвардейскомъ полку. О другомъ любопытномъ фактѣ снисхожденія къ поразительному нарушенію дисциплины онъ слышалъ отъ надежныхъ людей. Когда въ 1881 г. вышелъ знаменитый манифестъ о подкрѣпленіи автократіи, то тридцать офицеровъ одного изъ гвардейскихъ полковъ были имъ очень недовольны и собрались къ своему полковнику съ просьбой объяснить имъ, что означалъ манифестъ. Полковникъ старался ихъ успокоить, говоря, что это только слова, и дѣло пойдетъ по-старому. Однако, когда офицеры ушли, онъ немедленно телеграфировалъ военному министру о происшедшемъ, предоставляя ему довести это до свѣдѣнія императора, хотя, по его совѣту, лучше было оставить дѣло безъ официального заявленія и удовольствоваться строгимъ выговоромъ. Министръ съ этимъ согласился.

Что касается описанія Петербурга, то Веллеслэй не находитъ нужнымъ дѣлать его, находя, что онъ не отличается отъ другихъ

европейскихъ столицъ ничѣмъ особеннымъ и своеобразнымъ. Если же онъ чѣмъ и разнится отъ другихъ европейскихъ городовъ, то лишь климатомъ, лѣнью всѣхъ слоевъ общества, невозможной мостовой, ненавистными дрожками и болѣзненнымъ видомъ большинства петербургскихъ дамъ, благодаря недостатку тѣлесныхъ упражненій на чистомъ воздухѣ и привычкѣ курить. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Веллеслэя, который еще прибавляетъ, что русскіе—большіе пьяницы и картежники. Только въ этомъ отношеніи онъ равняетъ между собою обѣ русскія столицы, а во всемъ другомъ онъ рѣзко разнится другъ отъ друга. Петербургъ—официальное средоточіе Россіи, а Москва—національное. Она, по увѣренію англичанина, болѣе русская, чѣмъ Лондонъ—англійскій и Парижъ—французскій. «Поэтому,—говоритъ онъ,—Москва презираетъ Петербургъ и все петербургское. Москвичи считаютъ этотъ городъ нѣмецкимъ, съ нѣмецкимъ именемъ и нѣмецкими обычаями; онъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлался столицей только по нелѣпому капризу тирана, остановившаго, естественное развитіе страны своими преступными попытками навязать западную цивилизацію своимъ подданнымъ». По справедливости, москвичи называютъ Петербургъ «побочнымъ городомъ», такъ какъ въ немъ не имѣется ничего оригинальнаго, русскаго, и во всѣхъ отношеніяхъ,—иностранный, космополитный. Напротивъ, всѣ черты Москвы—оригинальныя, русскія, и Веллеслэй подробно описываетъ ее и довольно вѣрно: только въ одномъ отношеніи ошибается, говоря, что главныя улицы и лучшіе магазины находятся въ стѣнахъ Кремля. Особенно онъ приходитъ въ восторгъ отъ «Эрмитажа», находя, что это—«первый и лучшій въ Европѣ ресторанъ, какъ по изяществу, такъ и по чистотѣ».

Кромѣ столицъ, Веллеслэй посѣтилъ Нижній Новгородъ и мѣтко характеризуетъ его ярмарку. Потомъ онъ спустился въ Самару по Волгѣ, которая привела его въ восхищеніе своими стерлядьми, а по дорогѣ въ Оренбургъ заѣхалъ въ Казань. Что касается Оренбурга, то это, по его словамъ, смѣсь Москвы и Петербурга, запада и востока, при чемъ все красивое имѣло отблескъ первой, а все уродливое—второго. Въ Оренбургѣ его радушно принималъ князь Долгорукій, которому принадлежало близъ города большое помѣстье съ обширнымъ коннымъ заводомъ. Отъ коннозаводства Веллеслэй переходитъ къ охотѣ и замѣчаетъ, что русскіе не спортсмены въ томъ смыслѣ, какъ англичане и австрійцы; конечно, есть исключенія, но, по общему правилу, русскіе охотятся обыкновенно за глухарями и мелкой птицей; самую же національную и интересную для иностранцевъ охоту въ Россіи составляетъ медвѣжья. Веллеслэй часто отправлялся на эту охоту въ окрестности Петербурга съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ, при чемъ они обыкновенно выѣзжали съ вечера по желѣзной дорогѣ и на раз-

свѣтъ оказывались на мѣстѣ, гдѣ былъ приготовленъ медвѣдь. Однажды, они долго провозились, отыскивая звѣря, именно медвѣдицу съ медвѣжатами, такъ что весь день прошелъ въ поискахъ, и только къ ночи была достигнута цѣль. Такимъ образомъ приходилось отложить охоту до другого утра, такъ какъ въ Россіи, по увѣренію Веллеслэя, никогда не охотятся по ночамъ вслѣдствіе чрезмѣрной опасности, какою грозитъ подобная охота. Голицыну необходимо было на другой день явиться на дежурство, а потому онъ предоставилъ англичанину воспользоваться этимъ случаемъ и застрѣлить медвѣдицу. Веллеслэй предложилъ Голицыну заняться охотой ночью, такъ чтобы онъ поспѣлъ къ утру въ Петербургъ. Голицынъ согласился; охота была счастливая, и Веллеслэй всадилъ пулю въ лобъ звѣрю и убилъ его наповаль. Затѣмъ охотники захватили нѣсколькихъ медвѣжатъ и благополучно возвратились въ Петербургъ. Спустя нѣсколько времени на балу въ Зимнемъ дворцѣ, императоръ Александръ подошелъ къ англійскому военному агенту и сказалъ: «Я слышалъ, что вы съ Голицынымъ на-дняхъ были на охотѣ. Впервые въ моей странѣ убить медвѣдь ночью, и это будетъ въ послѣдній разъ; во всякомъ случаѣ вашъ поступокъ чрезвычайно смѣлый и отважный, и я поздравляю васъ; но, должно быть, вы испытали сильное ощущеніе». Къ описанію русской охоты Веллеслэй прибавляетъ очеркъ національнаго спорта на волковъ съ борзыми, которыя въ послѣдніе годы обратили на себя вниманіе въ Англіи.

Послѣдній изъ очерковъ Веллеслэя во время мира касается его путешествія въ Николаевъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ для спуска одной изъ пресловутыхъ «поповокъ» — «Новгорода». Англичанинъ приходитъ въ восторгъ отъ торжественной церемоніи, но саркастически отзываясь о самихъ «круглыхъ, вертящихся судахъ». «Адмиралъ Поповъ, — говоритъ онъ, — въ то время герой минуты, былъ средняго роста, коренастый, цвѣтущаго сложенія, непобѣдимой энергіи, и слылъ величайшимъ свѣтиломъ русскаго флота. Хотя онъ очень преклонялся предъ всѣмъ англійскимъ, но я увѣренъ, что онъ мечталъ о побѣдоносномъ вступленіи съ русскимъ флотомъ въ Лондонъ по рѣкѣ Темзѣ, что ему казалось совершенно возможнымъ». Изъ Николаева великій князь поѣхалъ въ Крымъ и лично показалъ Веллеслэю всѣ достопримѣчательности Севастополя. Его великолѣпная дача—(Оріанда) чрезвычайно понравилась Веллеслею, и ему было отведено прекрасное помѣщеніе; но, несмотря на чрезвычайную его роскошь, англичанинъ увѣряетъ, что, въ отвѣтъ на его просьбу о ваннѣ, лакей принесъ ему фарфоровый чайникъ съ горячей водой и полотенце. Этотъ анекдотъ тѣмъ невѣроятнѣе, что тотъ же авторъ увѣряетъ, будто русскіе—самый чистоплотный народъ, потому что каждую недѣлю моются въ паровой банѣ. Ис-

ключеніемъ онъ считаетъ аристократовъ и приводитъ въ примѣръ одного изъ министровъ, имени котораго онъ не называетъ, который увѣрялъ, что разрѣшилъ вопросъ о чистоплотности, приказавъ своему слугѣ обтирать себя мокрой губкой разъ въ двѣ недѣли. Вообще, въ высшей русской сферѣ, не исключая и придворной, по мнѣнію англичанина, замѣчается смѣсь между великолѣпіемъ и дикостью. «Я не могу забыть, — рассказываетъ онъ, — представленія «gala» въ Большомъ московскомъ театрѣ во время свадьбы герцога Единбургскаго. Позади императорской ложи была устроена большая парадная комната, и я случайно оказался тамъ въ то время, когда ливрейные лакеи приготовляли чайный столъ. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ, что они вынимали изъ заднихъ кармановъ фраковъ золотые вилки, ножики и ложки, завернутые въ грязную газетную бумагу, и это дѣлалось въ то самое время, когда императоръ каждую минуту могъ войти въ комнату». Вообще, по словамъ Веллслэя, онъ замѣчалъ въ Москвѣ и Петербургѣ чрезвычайную недисциплинированность среди придворной прислуги: она послѣ обѣдовъ и ужиновъ набрасывалась на столы, пила оставшееся вино, хватала конфеты, когда гости еще не вышли изъ зала.

Великаго князя сопровождалъ въ Оріанду, между прочимъ, адмиралъ Грейгъ, будущій министръ финансовъ, который, въ сущности, никогда не былъ морякомъ, а конногвардейскимъ офицеромъ и служилъ адъютантомъ при князѣ Меншиковѣ во время Крымской кампаніи. Замѣчательнымъ событіемъ въ это время была его посылка Меншиковымъ къ императору Николаю I-му съ извѣстіемъ объ Альмскомъ сраженіи, о чемъ онъ впоследствии подробно рассказывалъ Веллслэю. «Много было писано, — говоритъ англичанинъ. — по поводу этого факта, и даже увѣряли, что императоръ былъ такъ взбѣшенъ пораженіемъ, что наплевалъ въ лицо офицеру, доставившему это извѣстіе, и избилъ его. Но Грейгъ, бывшій именно этимъ посланнымъ, рассказывалъ мнѣ подробно, какъ все случилось. Когда онъ пріѣхалъ во дворецъ и вошелъ въ кабинетъ императора, то послѣдній подошелъ къ нему съ цѣлью его обнять, согласно русскому обычаю при полученіи счастливыхъ извѣстій, но офицеръ поднялъ руку въ знакъ того, что извѣстіе привезено имъ дурное. Когда онъ передалъ на словахъ порученіе Меншикова о пораженіи русской арміи, то императоръ строго сказалъ: «Я полагаю, что впервые въ лѣтописяхъ военной исторіи главнокомандующій арміей въ походъ осмѣливается сообщать своему государю извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ не на письмѣ». Этимъ, по увѣренію Грейга, и окончилось событіе.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію своего участія въ восточной войнѣ, которая занимаетъ болѣе двухъ третей его книги, Веллслэй представляетъ очеркъ хищенія и невѣдній, составлявшихъ

главныя черты бюрократическаго зла въ Россіи. Цѣлый рядъ любопытныхъ, уже извѣстныхъ, а также невѣдомыхъ въ русской печати анекдотовъ проходитъ, какъ въ живомъ калейдоскопѣ, передъ читателемъ «Воспоминаній» англійскаго военнаго агента. Прежде всего онъ рассказываетъ о знаменитомъ Овсянниковскомъ дѣлѣ, въ которомъ оказалось замѣшаннымъ значительное число комиссаріатскихъ чиновниковъ военнаго министерства, получавшихъ отъ Овсянникова жалованье значительнѣе, чѣмъ отъ казны. Отъ военнаго министерства Веллеслэй переходитъ къ морскому и характеризуетъ постройку пресловутаго броненосца «Петръ Великій», который строился такъ долго, что государю надоѣло справляться о томъ, когда онъ будетъ готовъ. Въ концѣ концовъ Александру II, настойчиво обратившемуся къ управляющему морскимъ министерствомъ съ обычной фразой: «когда же, наконецъ, выйдетъ въ море «Петръ Великій?»—тотъ, потерявъ голову, отвѣчалъ: «черезъ три недѣли!» Но дѣло было въ томъ, что даже брони еще не получили изъ Англіи, а императору уже дано слово, которое слѣдовало сдержать. Тотчасъ сотни людей принялись за работу: покрыли корабль поддѣльной броней, воздвигли на немъ вращающіяся деревянные башни, подъ видомъ стальныхъ и такъ далѣе. Въ назначенный день приготовленія были окончены; изъ трубъ валилъ дымъ, хотя машины не были готовы, но въ трубы наложили пучки соломы и подожгли ее. Когда въ Россію пріѣхалъ принцъ Эдинбургскій, и Веллеслэй рассказалъ ему о совершившемся крупномъ скандалѣ, такъ какъ ловкіе шпіоны доносили ему обо всемъ, что творилось въ Петербургѣ, герцогъ Эдинбургскій сначала не повѣрилъ этой сказкѣ, но на дѣлѣ убѣдился, что вращавшіяся башни хотя не были деревянныя, но ихъ сдѣлали изъ выкрашеннаго полотна, натянутаго на рамки, по мнѣнію Веллеслэя, и несмотря на все хвастовство русскихъ, «Петръ Великій» оказался очень слабой конструкціи, въ значительной степени давалъ течъ при быстротѣ восьми узловъ, и тяжелыя орудія были до того неудовлетворительны, что отлетали головки заклепокъ.

Насколько распространена была система взятокъ во время пребыванія въ Россіи Веллеслэя, доказываютъ нѣсколько приводимыхъ имъ анекдотовъ. Пріятель англичанина, иностранецъ по происхожденію, жаловался одному изъ сильныхъ міра сего, что ему не давали казеннаго подряда на очень полезное изобрѣтеніе, и просилъ позволенія показать его. Сильный міра сего согласился и пришелъ въ восторгъ отъ изобрѣтенія, но замѣтилъ, что ему объяснили, почему казна не дѣлаетъ заказовъ изобрѣтателю; причиной была чрезмѣрная дороговизна. Иностранецъ отвѣчалъ: «Если вы обезпечите заказъ мнѣ безъ платежа взятокъ всѣмъ служащимъ въ этомъ вѣдомствѣ, съ высшихъ до низшихъ, то я согласенъ взять вдвое меньше». Великій міра сего громко расхохотался

и произнесъ: «Я заводчикъ въ Сибири и, продавая свои произведенія правительству, самъ плачу взятки чиновникамъ, такъ отчего вы, иностранецъ, считаете себя въ правѣ быть освобожденнымъ отъ подобнаго налога? Миѣ казалось, что вы уже давно находитесь въ Россіи и понимаете обычаи страны». Съ самимъ Веллеслэемъ случился аналогичный примѣръ. Онъ слышалъ отъ одного крупнаго чиновника, служившаго при дворѣ, о невозможности искоренить обычаи хищенія и спросилъ изъ любопытства, сколько ставить на счетъ казнѣ бутылокъ вина и водки отпускаемыхъ ему во время лагерей. Чиновникъ навелъ справку и объявилъ, что ему отпускаютъ ежедневно 5 бутылокъ вина, въ томъ числѣ 1 бутылку шампанскаго. На самомъ же дѣлѣ Веллеслей требовалъ себѣ ежедневно 1 бутылку бургундскаго вина и 1 бутылку водки въ недѣлю. Подобное воровство, по словамъ Веллеслэя, было до того обыкновенно, что въ модныхъ лавкахъ продавалось вино съ ярлыками «*Save impériale*». Очевидно, англичанинъ перепуталъ ярлыкъ съ надписью «поставщикъ двора»; впрочемъ, въ тѣ времена въ Петербургѣ разносчики продавали придворное вино по квартирамъ. Въ старину, при Николаѣ Павловичѣ, по словамъ Веллеслэя, давались гвардейскіе полки командирамъ для поправленія разстроенныхъ денежныхъ дѣлъ. Когда же министръ Милютинъ для уничтоженія взятокъ полковыхъ командировъ учредилъ комитеты для хозяйственныхъ дѣлъ изъ старшихъ полковыхъ офицеровъ, то извѣстный генералъ Черняевъ сказалъ Веллеслэю: «Теперь будетъ пять воровъ вмѣсто одного». Однажды иностранный поставщикъ по инженерной части жаловался русскому своему пріятелю, что ему не даютъ отъ казны какой-то поставки, и тотъ отвѣчалъ: «Вы не такъ обратились съ вашей просьбой; личность эта дѣйствительно подходящая, и отъ нея зависитъ заказъ, но съ взяткой надо было обратиться къ госпожѣ ***, и она устроила бы дѣло. Впрочемъ, и теперь еще не поздно». Иностранецъ послѣдовалъ этому совѣту, и означенная дама опредѣлила сумму взятки и получила ее, а чрезъ нѣсколько дней условіе о поставкѣ было заключено.

По увѣренію Веллеслэя, даже въ судахъ и въ самомъ сенатѣ водились взятки: одинъ изъ судебныхъ приставовъ сената по болѣзни вышелъ въ отставку и торговалъ взятками, то-есть установилъ опредѣленную таксу для взятокъ, которыя брали извѣстные судьи и сенаторы. Относительно судебныхъ злоупотребленій англичанинъ рассказываетъ любопытный анекдотъ, переданный ему извѣстнымъ Скайлеромъ, бывшимъ первымъ секретаремъ американскаго посольства въ Петербургѣ. Онъ зналъ въ Оренбургѣ одного русскаго, который тамъ постоянно жилъ, благодаря совершенно оригинальному случаю. Однажды его арестовали въ Петербургѣ, судили по какому-то политическому дѣлу и приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь, хотя онъ совсѣмъ не былъ за-

мѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Черезъ два съ половиной года нашелся настоящій обвиняемый, и первый былъ освобожденъ. По дорогѣ изъ Сибири онъ заѣхалъ въ Оренбургъ, гдѣ его пріятель былъ губернаторомъ, и рѣшился тамъ остаться навсегда, изъ боязни, чтобы въ столицѣ съ нимъ не случилась новая напасть. Одинъ изъ жителей, дававшихъ уроки русскаго языка Веллеслэю, какъ-то разъ пришелъ на урокъ въ ужасномъ смущеніи: оказалось, что его племянника студента потребовали въ извѣстный домъ у Цѣпного моста, посадили на стулъ, опустившійся подъ полъ, и подвергли тѣлесному наказанію, послѣ чего посовѣтовали ему не вмѣшиваться другой разъ въ политику. «Вотъ почему, — сказалъ учитель англичанина, — я въ ужасномъ положеніи; неужели возможно, чтобы восемнадцатилѣтняго молодого человѣка, хорошаго семейства, добраго поведенія, работающаго, подвергли подобному позору безъ всякаго разслѣдованія». «Что касается вообще до тѣлеснаго наказанія, то оно хотя и было уничтожено въ Россіи, но подъ различными видами, — говоритъ англичанинъ, — сохранилось до 1881 года, когда онъ былъ въ Россіи уже не военнымъ агентомъ, а частнымъ человѣкомъ. Ему тогда случалось не разъ слышать о самомъ жестокомъ обращеніи съ подсудимыми; такъ, одного солдата, обвиняемаго въ убійствѣ, подвергли пыткамъ на слѣдствіи, а именно: поджигали ему пятки, чтобы заставить его признаться.

Для увѣнчанія своихъ разсказовъ о бюрократическомъ хищеніи и всякаго рода злоупотребленіяхъ въ Россіи до турецкой войны, Веллеслэй приводитъ два анекдота уже изъ ея начала. Въ петербургскомъ арсеналѣ былъ тогда полученъ приказъ послать на мѣсто войны значительное количество орудій для рѣчныхъ судовъ, предназначенныхъ дѣйствовать на Дунаѣ. Оказалось, что на хранившихся въ арсеналѣ пушкахъ не хватало всѣхъ металлическихъ заклепокъ. Начальство, не желая въ этомъ сознаться, отослало въ такомъ видѣ пушки, хотя твердо было увѣрено, что онѣ ни на что не годились. Въ Бухарестѣ, по дорогѣ въ армію, Веллеслэй случайно увидалъ знакомаго петербургскаго купца, иностраннаго происхожденія, и удивился, какъ онъ туда попалъ, тѣмъ болѣе, что при немъ находился большой мѣшокъ, повидимому, съ деньгами. Вскорѣ дѣло объяснилось очень просто: онъ пріѣхалъ къ полковнику З., чтобы устроить выгодный подрядъ для арміи. Впослѣдствіи онъ подробно разсказалъ англичанину, чѣмъ окончилось это дѣло. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія полковникъ принесъ къ купцу готовый подрядный контрактъ для подписи. Но купецъ, прочитавъ его, нашелъ, что никто на свѣтѣ не согласился бы подписать подобнаго контракта, потому что неустойка была упомянута чрезмѣрная. На это полковникъ замѣтилъ: «Вы забываете, что вы не единственный, желающій получить этотъ под-

рядъ; напугавшее васъ условіе нарочно подписано, чтобы заставить отказаться другихъ конкурентовъ и такимъ образомъ предоставить дѣло вамъ. Если вы подпишете этотъ контрактъ, то это условіе сдѣлается вопросомъ чести между вами и мною. Вы заплатите мнѣ условленную сумму, и, конечно, означенное условіе никогда не получитъ силу». Разумѣется, купецъ согласился, подписалъ контрактъ, и его мѣшокъ съ деньгами перешелъ къ полковнику. Въ доказательство, что взяточничество составляло отличительный характеръ русской бюрократіи, Веллеслэй приводитъ слѣдующій случай. Встрѣтивъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ восточной войны одного своего русскаго знакомаго, занимающаго теперь высокій дипломатическій постъ, Веллеслей разговорился о событіяхъ 1877 года и упомянулъ имя извѣстнаго русскаго чиновника. «Вотъ онъ былъ честный человѣкъ», — сказалъ его собесѣдникъ. «Эти слова, по выраженію Веллеслэя, вполне доказываютъ, въ какомъ положеніи находились въ Россіи дѣла, именно, что честный человѣкъ былъ въ ней исключеніемъ».

Подобное распространеніе лихоимства и хищеній во всѣхъ слояхъ петербургской бюрократіи происходило, по мнѣнію Веллеслэя, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостаточнаго жалованья, получаемого чиновниками, и того факта, что пятеро неоплаченныхъ чиновниковъ исполняли дѣло одного, поселяя этимъ во всемъ развратъ и злоупотребленія. Но не однѣ взятки были причиною зла въ Россіи: оно, по словамъ Веллеслэя, происходило также отъ бюрократическаго невѣднія. Онъ особенно близко знакомъ былъ съ положеніемъ флота, потому что въ это время въ Россію пріѣзжалъ герцогъ Эдинбургскій и уѣхалъ изъ Кронштадта съ своей молодой женой на императорской яхтѣ «Держава». Одинъ изъ сопровождавшихъ герцогскую чету англійскихъ офицеровъ наканунѣ отплытія написалъ изъ Кронштадта Веллеслэю, предостерегавшему его отъ неудовлетворительности русскихъ судовъ, что онъ никогда не видалъ такого совершенства, какъ русская императорская яхта, что на ней все было въ высшей степени комфортабельно, и всѣ путешественники ожидали самаго пріятнаго плаванія. Но чрезъ нѣсколько времени Веллеслэй получилъ изъ Англіи отъ того же лица совершенно иное письмо. «Повидимому, — рассказываетъ Веллеслэй, — на яхтѣ было нѣсколько адмираловъ, какъ всегда бываетъ, когда на кораблѣ находятся лица изъ царской семьи. Во время плаванія была сильная буря, и яхта вела себя очень нехорошо; особенно въ каютахъ всѣ предметы качались, падали со стѣнъ и угрожали большой опасностью. Никто изъ служащихъ на яхтѣ не былъ въ состояніи привести все въ порядокъ, и только англійскіе матросы, прислуживавшіе своимъ офицерамъ, могли наконецъ укрѣпить предметы на своихъ мѣстахъ. Однажды утромъ мой корреспондентъ былъ разбуженъ тѣмъ, что машина неожиданно дала задній ходъ;

онъ въ испугѣ выскочилъ на палубу и увидалъ на мостикѣ адмирала Попова. Тотъ сказалъ ему, что совершенно случайно оказался на палубѣ и увидалъ предъ носомъ яхты грозныя волны, доказывавшія близость рифовъ у Норфолькскаго берега, а потому онъ приказалъ дать задній ходъ. Послѣ этого императорская яхта очутилась въ Гревсендѣ, а не въ Дуврѣ, а бѣдный «Олафъ», маленькая яхта, сопровождавшая «Державу», пропала на цѣлую недѣлю и, наконецъ, прибыла въ Гулль».

И въ арміи царило невѣдѣніе и незнаніе. Оно доходило до такой степени, что Веллеслэй рассказываетъ, будто подъ Плевной императоръ сталъ сомнѣваться, дѣйствительно ли русскія войска основательно оцѣпили кругомъ весь турецкій укрѣпленный лагерь. Поэтому онъ приказалъ одному изъ своихъ генералъ-адъютантовъ лично убѣдиться въ дѣйствительности русской осадной цѣпи. Послѣдній вскорѣ увидѣлъ, что въ одномъ мѣстѣ Плевна вовсе не была блокирована, и при немъ прошелъ въ городъ турецкій обозъ, при чемъ эскортъ находился въ такомъ беззаботномъ настроеніи, что солдаты курили папиросы. Не успѣлъ пройти этотъ обозъ, какъ показался другой. «Это было тѣмъ непонятнѣе,—говорилъ Веллеслэю русскій генералъ-адъютантъ,—что невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ проходили обозы, находилась громадная масса кавалеріи въ распоряженіи главнокомандующаго». Въ виду такого положенія русской арміи и флота, Веллеслэй не раздѣлялъ всеобщаго мнѣнія насчетъ благоприятнаго для Россіи окончанія восточной войны. Всѣ тяжелые уроки, данныя русскимъ Крымской кампаніей, не привели ни къ чему. Тотъ же недостатокъ инициативы, та же неподготовленность, тотъ же общій хаосъ, которые ознаменовали начало первой кампаніи, оказались и при началѣ турецкой войны. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, и такая же аналогія существуетъ, по словамъ Веллеслэя, между обстоятельствами, свидѣтельствовавшими, что въ началѣ японской войны было то же самое. «Какъ въ 1877 году, такъ и 1904 году,—говоритъ онъ,—насъ увѣряли, что мобилизація русской арміи совершена самымъ удовлетворительнымъ образомъ, а въ сущности, поддерживая аналогію съ 1877 годомъ, Россія начала войну съ вполнѣ неудовлетворительнымъ планомъ войны, точно такъ же, какъ въ прошедшемъ году она оказалась въ неудовлетворительномъ положеніи относительно численности арміи. Было еще другое сходство между обѣими войнами: несправедливое увѣреніе официальнымъ извѣстіямъ о первоначальныхъ столкновеніяхъ, при чемъ всегда были убиты только одинъ или два казака, а также система рокового раздвоенія въ распоряженіяхъ, отъ которыхъ были гибельныя послѣдствія, какъ и той, такъ и въ другой войнѣ. Тутъ оканчивается аналогія: русская эскадра, находившаяся въ Средиземномъ морѣ, въ 1877 году ушла въ Америку, тогда какъ судьба нынѣшняго русскаго флота

всѣмъ извѣстна; конечный исходъ былъ тогда побѣдоносный для Россіи, а теперешній грозитъ великой для нея опасностью. Если въ турецкую войну, Россія одержала верхъ, то очевидно болѣе отъ ошибокъ своихъ противниковъ, чѣмъ отъ достоинства ея арміи, за исключеніемъ личной храбрости солдатъ».

Переходя къ мобилизаціи русской арміи предъ восточной войной, Веллеслэй рассказываетъ много любопытнаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ передаваемыхъ имъ событій касались его лично. Хотя война казалась неизбежной еще въ предыдущемъ году, но въ сущности ничего не было готово. Военные склады находились въ самомъ плачевномъ положеніи: завѣдывавшіе ими офицеры потеряли голову и посылали въ армію снаряды не того калибра, котораго слѣдовало. Къ тому же оказалось, что большое количество пуль и ядеръ, заготовленныхъ въ арсеналахъ, ни на что не годилось. Хотя въ газетахъ увѣряли, что дѣло мобилизаціи шло съ успѣхомъ, въ сущности же съ первыхъ дней произошелъ во всемъ страшный беспорядокъ. Несмотря на приостановленіе движенія пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ, такая царствовала сумятица, что въ иныхъ мѣстахъ не могли приготовить двухъ военныхъ поѣздовъ въ день; случалось также, что поѣзда были готовы въ одномъ мѣстѣ, а топливо для нихъ доставлялось въ другое. На многихъ станціяхъ не было достаточной провизіи для солдатъ, почему возникали волненія. Неудивительно, что мобилизація не возбуждала восторга, а всѣ были не довольны, и многіе изъ родныхъ, провожавшихъ отъѣзжающихъ воиновъ, плакали на взрыдъ столько же отъ ожидаемыхъ опасностей, какъ и отъ грозившихъ имъ лишеній. Веллеслэй увѣряетъ, что число выступавшей въ Турцію арміи, долженствовавшее достигъ 400.000, не равнялось болѣе ста-восьмидесяти тысячамъ. Притомъ персоналъ офицеровъ былъ недостаточенъ, комиссаріатская часть въ плохомъ состояніи, а санитарная оставляла многого желать. На нѣкоторыхъ станціяхъ были нагромождены сотни локомотивовъ, когда ихъ надо было деять и *vice versa*; общая путаница и неурядица достигали необычайныхъ размѣровъ.

Главнoкомандующій арміей, великій князь Николай Николаевичъ, при началѣ объявленія войны отправился на театръ военныхъ дѣйствій, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, французскимъ военнымъ агентомъ. «Хотя я не присутствовалъ при мобилизаціи,—говоритъ Веллеслэй,—но имѣлъ подлинныя свѣдѣнія обо всемъ, и, конечно, моею обязанностью было доложить англійскому правительству о томъ несчастномъ положеніи, въ какомъ находилась русская армія относительно военной организаціи. Но вскорѣ я замѣтилъ, что содержаніе моихъ донесеній было извѣстно въ Россіи. Прежде всего произошла очевидная холодность въ обращеніи русскихъ со мною, какъ въ обществѣ, такъ и въ клубахъ. Даже импе-

раторъ на воскресныхъ разводахъ сталъ меня не замѣчать или, молча, кланяться мнѣ». Англичанинъ рѣшилъ разъяснить, въ чемъ дѣло, и обратился къ Валуеву, находившемуся въ чрезвычайно дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Онъ принялъ его очень любезно и общалъ разъяснить, въ чемъ дѣло, но совѣтовалъ пока быть очень осторожнымъ. Въ тотъ же день Веллеслэй обѣдалъ съ Грейгомъ, очень благоволившимъ къ нему, и въ разговорѣ по секрету адмиралъ объяснилъ ему, что все русское общество было недовольно поведеніемъ англичанина относительно сообщеній англійскому правительству дурныхъ извѣстій о мобилизаціи. Онъ отвѣчалъ, что содержаніе его депешъ своему правительству ни до кого не касается, такъ же точно, какъ содержаніе депешъ русскаго военнаго агента въ Лондонѣ. Грейгъ съ нимъ согласился, но просилъ его воздержаться на время отъ посѣщенія общественныхъ мѣстъ и клубовъ.

Вскорѣ все это непріятное дѣло выяснилось. У французскаго посланника, Лефло, былъ балъ, и хотя, по словамъ Веллеслэя, посланникъ былъ добрый, правдивый человѣкъ, но болѣе русскій, чѣмъ сами русскіе, и для него въ Россіи все было хорошо: русская армія—первая въ свѣтѣ, русскій главный штабъ—превосходный, русскій флотъ—первый въ мірѣ. Увидѣвъ Веллеслэя, онъ подошелъ къ нему и спросилъ, каково его мнѣніе о политическихъ дѣлахъ. Тотъ отвѣчалъ: «На горизонтѣ очень мрачно!» На это Лефло воскликнулъ: «Помилуйте, у русскихъ 400.000 мобилизованныхъ солдатъ, готовыхъ итти на Константинополь по первому мановенію руки».—«Вы такъ думаете,—отвѣчалъ англичанинъ,—а, по моему мнѣнію, у нихъ нѣтъ и половины этого количества солдатъ и большой дефицитъ въ офицерахъ». Конечно, этотъ разговоръ происходилъ вполголоса, но тутъ старый генералъ въ большомъ волненіи громко воскликнулъ: «Я вамъ повторяю, что русскихъ, готовыхъ итти въ Константинополь, — 400.000 человѣкъ, и вѣрьте мнѣ, мой молодой другъ, кто донесетъ своему правительству иначе, возьметъ на себя большую отвѣтственность». Эти слова естественно были услышаны многими лицами, стоявшими подлѣ, и чрезъ нѣсколько дней въ петербургскихъ газетахъ было напечатано, что французскій посланникъ далъ публичный выговоръ молодому англійскому военному агенту, который этого вполнѣ заслуживалъ.

«Я тотчасъ отправился къ генералу Лефло, который собирался писать строгое письмо въ газету, — рассказываетъ Веллеслэй.—Я упросилъ его этого не дѣлать; онъ согласился и дружески спросилъ меня, на чемъ я основывалъ свое противоположное мнѣніе, тогда какъ французскій агентъ, полковникъ Гальяръ, такъ же былъ убѣжденъ, что въ Россіи готово 400.000 солдатъ. Я въ свою очередь спросилъ его, откуда онъ узналъ о содержаніи моихъ

депешъ англійскому правительству, и онъ объяснилъ мнѣ, что одинъ англійскій министръ, имени котораго онъ не назвалъ, сказалъ объ этомъ французскому посланнику въ Лондонѣ, а тотъ, конечно, сообщилъ въ Парижъ своему министру иностранныхъ дѣлъ. Этотъ послѣдній написалъ Лефлю: «Кто же правъ? полковникъ Гальяръ или англійскій военный агентъ?» И Лефлю прочелъ мнѣ полученную имъ по этому вопросу депешу. Я спокойно его выслушалъ и потомъ спросилъ, говорилъ ли онъ объ этомъ комунибудь въ Петербургѣ. — «Нѣтъ, честью клянусь, я не говорилъ ни одной душѣ, конечно, кромѣ членовъ моего посольства». Однако послѣ этого онъ задумался, потеръ себѣ лобъ и воскликнулъ: «Ахъ! нѣтъ, теперь я припоминаю причину всего зла; я отвезъ эту депешу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и прочелъ ее Жюмини. Да, я хорошо помню, что я прочелъ ему эту бумагу; теперь все понятно; но это совершенно ускользнуло изъ моей памяти». Вѣднѣй старѣй посланникъ былъ этимъ убитъ и рассыпался въ извиненіяхъ, въ виду чего я поспѣшилъ распрощаться съ нимъ, такъ какъ очевидно онъ искренно сожалѣлъ о совершившемся. Дѣло въ томъ, что Жюмини былъ главнымъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, умнѣйшимъ человекомъ послѣ князя Горчакова и ненавидѣвшимся изъ всѣхъ силъ Англію; поэтому неудивительно, что онъ поспѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что ему сообщилъ по неосторожности французскій посланникъ. Черезъ нѣсколько дней я заѣхалъ къ Валуеву, и тотъ разсказалъ мнѣ то же самое, что адмиралъ Грейгъ».

Вскорѣ послѣ этого императоръ уѣхалъ въ армію съ цѣлью проститься съ нею и проводить ее на войну. Онъ взялъ съ собою австрійскаго и германскаго военныхъ агентовъ, но Веллеслэю не было послано никакого приглашенія. Онъ немедленно сообщилъ объ этомъ своему правительству, которое снеслось съ русскимъ дворомъ. Графъ Адлербергъ, министръ двора, «правая рука государя», объявилъ Веллеслэю, что напрасно онъ обижался, такъ какъ оба нѣмца были флигель-адъютантами своего государя, а слѣдовательно находились въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ англичанинъ. На это послѣдній отвѣчалъ, что французскій военный агентъ, полковникъ Гальяръ, взятый съ собою великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, состоялъ при такомъ правительствѣ, которое не имѣло даже государя, а слѣдовательно онъ не могъ быть флигель-адъютантомъ. Адлербергъ разсмѣялся и сказалъ, что во всякомъ случаѣ дѣло уладилось, и такъ какъ императоръ уже уѣхалъ, то съ дороги приглашаетъ его въ свою главную квартиру въ Плоэшти, въ Румыніи. Веллеслэй былъ очень доволенъ и поскакалъ въ Бухарестъ. По прибытіи туда онъ снова представился графу Адлербергу, который объявилъ ему, что государь назначилъ его состоять при главнокомандующемъ, великомъ князѣ,

Онъ очень этому обрадовался, потому что Николай Николаевичъ былъ всегда съ нимъ очень милостивъ, но теперь оказалось совершенно противоположное. Великій князь встрѣтилъ его такъ холодно, что даже не протянулъ ему руки, привѣтствуя его слѣдующимъ образомъ: «Полковникъ Веллеслэй, я получилъ приказаніе моего брата, императора, принять васъ въ мою главную квартиру; я обязанъ исполнить это приказаніе, какія бы ни были мои личныя чувства. Позвольте мнѣ, однако, вамъ сказать, что я узналъ о вашей депешѣ къ вашему правительству по поводу мобилизаціи нашей арміи; вы отозвались о ней самымъ неодобрительнымъ образомъ, хотя вы при мобилизаціи лично не присутствовали и рѣшительно ничего не знали объ ея подробностяхъ. Какъ я уже сказалъ, я обязанъ повиноваться приказаніямъ императора, и потому приму васъ въ своей главной квартирѣ, но предупреждаю васъ, что за вами будутъ строго слѣдить, и если вы выскажете, сдѣлаете или напишете, что мнѣ не понравится, то я прогоню васъ изъ моей арміи». Произнося эти послѣднія слова, онъ прищелкнулъ пальцами въ воздухъ и чрезъ минуту прибавилъ: «Я вамъ это говорю, полковникъ Веллеслей, предъ всѣми моими приближенными, такъ какъ они знаютъ, что я обязанъ принять васъ въ свою главную квартиру, а я желаю, чтобы они также знали, на какихъ условіяхъ я это дѣлаю. Вы меня понимаете?»—«Слишкомъ хорошо, ваше императорское высочество»,—отвѣтилъ Веллеслэй,—«вы выразились болѣе, чѣмъ ясно». Великій князь протянулъ ему руку, но англичанинъ почтительно отказался ее принять и вышелъ изъ комнаты.

Хотя при этой оскорбительной сценѣ находился только одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, Скалонъ, а не вся его свита, какъ полагалъ великій князь, все-таки слова главнокомандующаго глубоко оскорбили Веллеслэя, и, понимая, что необходимо молчать, иначе скандалъ могъ дойти до крайности, онъ тотчасъ обо всемъ увѣдомилъ по телеграфу свое правительство, надѣлъ статскую одежду и уѣхалъ въ Бухарестъ. На слѣдующее утро великій князь одумался, и къ Веллеслэю былъ присланъ чиновникъ графа Адлерберга, прося отъ имени послѣдняго забыть все дѣло, такъ какъ великій князь согласенъ его принять. Потомъ явился генералъ Галль, лично отъ Николая Николаевича, и объяснилъ, что великій князь готовъ забыть слова, сказанныя въ порывѣ гнѣва, если только Веллеслэй, согласится ихъ забыть. Веллеслэй отвѣчалъ, что главнокомандующій въ мундирѣ оскорбилъ офицера тоже въ мундирѣ, да еще чужестранной арміи, а потому это дѣло касается уже не его, а британскаго правительства. Пока обмѣнивались телеграммами оба правительства, въ Бухарестъ пріѣхалъ князь Горчаковъ; онъ пригласилъ Веллеслэя къ себѣ, и такъ тепло его принялъ, что едва не расплакался. Онъ сказалъ, что ничего на свѣтѣ его такъ не огор-

чило, какъ происшествіе, случившееся между нимъ и великимъ княземъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ выразилъ самую глубокую благодарность за то, что тотъ сдержался и не далъ воли своему характеру, иначе дѣло могло повести къ войнѣ между двумя странами. «А у насъ,—прибавилъ онъ,—у насъ и безъ этого много заботы!» Наконецъ, Горчаковъ объявилъ, что государь приглашаетъ Веллеслэя состоять при главной квартирѣ и также выражаетъ ему свою признательность за его поведеніе во время свиданія съ братомъ. «Хотя князь Горчаковъ самый хитрый изъ дипломатовъ,—замѣчаетъ Веллеслэй,—но, какъ человѣкъ, онъ простодушный и добрый, имѣющій въ виду только всѣхъ помирить».

Тотчасъ Веллеслэй отправился въ главную императорскую квартиру, которая находилась близъ Зимницы, на сѣверномъ берегу Дуная, хотя русская армія перешла уже на другую сторону рѣки. По пріѣздѣ туда къ нему явился генералъ съ привѣтствіемъ отъ императора и увѣдомилъ, что государь ожидаетъ его на другой день къ завтраку. Когда онъ исполнилъ это приказаніе, то узналъ, что императоръ будетъ завтракать у себя, а потому просить его пожаловать послѣ. Дѣлать было нечего, и Веллеслэй пошелъ въ палатку, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ для всей императорской свиты. Хотя въ числѣ присутствующихъ было много знакомыхъ, но они отъ него отворачивались и даже ему не кланялись. Только одинъ генералъ-адъютантъ подошелъ къ нему протянуль руку и сказалъ: «Вы меня не знаете, полковникъ Веллеслэй?» Послѣдній отвѣчалъ: «Я полагаю, вы генералъ Игнатьевъ; я не имѣю удовольствія васъ знать, но узналъ васъ по вашимъ фотографіямъ». Онъ немедленно взялъ Веллеслэя подъ руку и посадилъ рядомъ съ собою за столъ. «Я долженъ здѣсь прибавить,—говоритъ Веллеслэй,—что у меня не было во время турецкой войны лучшаго друга, какъ генералъ Игнатьевъ, хотя онъ извѣстенъ былъ своими анти-англійскими мнѣніями». Едва только начался завтракъ, какъ въ палатку вошелъ Николай Николаевичъ, и, отыскавъ Веллеслэя глазами, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ подошелъ къ нему. Когда онъ повиновался, то главнокомандующій произнесъ: «Ну, ужъ задали вы мнѣ славную исторію съ императоромъ, королевой и вашимъ правительствомъ. Вы придали уже слишкомъ серьезное значеніе словамъ, которыя я произнесъ, быть можетъ, слишкомъ необдуманно». Веллеслэй отвѣчалъ, что, вѣроятно, великій князь былъ бы недоволенъ, если бы русскому офицеру, приглашенному въ англійскій лагерь, сказали такіе слова, съ какими къ нему обратился его высочество.—«Ну, да,—произнесъ онъ:—вы, вѣроятно, правы; во всякомъ случаѣ я сожалею о происшедшемъ. Дайте мнѣ руку, и забудемъ объ этомъ». Они пожали взаимно руку, и великій князь прибавилъ: «Пусть прошедшее будетъ забыто, и если когда нибудь, во время этой кампаніи, я вамъ понадобитсяъ, то обратитесь ко мнѣ: я готовъ вамъ служить»,

«Послѣ завтрака меня позвали къ императору,—разсказываетъ Веллеслэй.—Въ комнатѣ, куда я вошелъ, стояли два сына императора, и я разговаривалъ съ ними, когда онъ вышелъ изъ внутренняго покоя. Первыми его словами было: «Вы видѣли моего брата, и все уладилось?» На мой утвердительный отвѣтъ, онъ повелъ меня въ сосѣднюю маленькую комнату и затворилъ за собою дверь. Въ углу этой комнаты стоялъ карточный столъ, служившій его величеству письменнымъ столомъ во время похода, и два стула; на одинъ онъ сѣлъ, а другой предложилъ мнѣ, сказавъ, что онъ былъ очень опечаленъ, услышавъ о происшествіи, случившемся между мною и его братомъ. Государь выразилъ надежду, что я не разсержусь на него за нѣсколько словъ, которыя онъ скажетъ по этому предмету. Послѣ этого онъ замѣтилъ, что я отозвался въ неодобрительныхъ выраженіяхъ о мобилизаціи русской арміи, а меня всегда принимали въ Россіи съ большою добротою, и онъ самъ обращался со мною съ очевиднымъ расположеніемъ. Государь прибавилъ еще нѣсколько лестныхъ выраженій относительно меня и произнесъ, что онъ никогда не повѣрилъ бы подобнымъ недоброжелательнымъ выраженіямъ съ моей стороны. Когда его величество кончилъ говорить, то я просилъ позволенія выразить, что правильность или неправильность моихъ депешъ англійскому правительству не касается русскаго. Если мое правительство будетъ ими недовольно, то оно меня и отзоветъ. «У васъ, государь,—прибавилъ я,—есть такой же военный агентъ, какъ и я; не думаю, чтобы вы были довольны, если бы этотъ офицеръ только выхвалялъ вамъ англійскую армію; напротивъ, ваше величество требовали бы отъ него одной правды». Императоръ улыбнулся и отвѣчалъ: «Да, это правда! Но все-таки я былъ возмущенъ, узнавъ о вашихъ депешахъ, и, конечно, вы замѣтили, что мое обращеніе съ вами совершенно измѣнилось въ послѣднія недѣли моего пребыванія въ Петербургѣ». Я возразилъ, что не могъ этого не замѣтить, и это глубоко меня опечалило. «Теперь все прошло,—сказалъ государь,—и мы никогда не будемъ объ этомъ болѣе думать».

Затѣмъ государь, положивъ руку на плечо англичанина, принялся объяснять ему, какъ русскіе переправились чрезъ Дунай, а по окончаніи этого разговора онъ любезно распрощался съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, по словамъ Воллеслэя, до отъѣзда съ войны императоръ обращался съ нимъ самымъ радушнымъ образомъ, хотя, конечно, положеніе англичанина въ главной квартирѣ было не очень пріятно. Большинство русскихъ обращалось съ нимъ далеко не любезно, и даже самъ императоръ иногда проговаривался. Такъ однажды онъ показалъ ему двухъ болгарскихъ поселенъ, изуродованныхъ турками, и сказалъ: «Voilà ce que font messieurs, vos protégées, les turcs». Когда императорская квартира

была переведена въ Бѣлу, государь придумалъ наполнить скучные послѣобѣденные часы тѣмъ, что онъ называлъ «la lecture». Дѣло было въ томъ, что вся свита оставалась за столомъ вмѣстѣ съ государемъ, и графъ Адлербергъ, по распоряженію императора, читалъ въ переводѣ на французскій языкъ отрывки изъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ. Такъ какъ большинство отзывовъ о Россіи было далеко не благопріятное, то все общество саркастически смѣялось, слѣдуя въ этомъ примѣру самого императора. Очевидно, Веллесплю были чрезвычайно непріятны подобныя выходы, тѣмъ болѣе, что при каждой оскорбительной тирадѣ изъ англійскихъ газетъ государь обращался къ нему съ словами: «Je vous remercie». Кромѣ этихъ непріятностей, на каждомъ шагѣ русскіе старались чѣмъ нибудь ему досадить. Такъ, однажды къ нему явился какой-то генералъ, который объявилъ, что квартира Веллеспля понадобилась дону-Карлосу, а потому неудобно ли ее освободить. По счастью, въ это время у Веллеспля находился въ гостяхъ князь Витгенштейнъ, русскій генералъ-адъютантъ, который пришелъ въ сильное негодованіе, узнавъ, что такъ оскорбляютъ гостя императора, и разразился такими оскорбительными выраженіями, что генералъ поспѣшилъ удалиться. По русскому обычаю слуги лицъ, состоящихъ при дворѣ, получаютъ извѣстное жалованье, и въ военное время очень значительное, именно десять франковъ въ день. Русскій лакей Веллеспля, Егоръ, долгое время не получалъ этихъ денегъ, и англичанинъ, узнавъ, что слуги другихъ военныхъ агентовъ правильно получаютъ это жалованье, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Егоръ отправился въ полевое казначейство, но онъ нѣсколько разъ ходилъ туда безуспѣшно и наконецъ получилъ въ отвѣтъ, что ему не выдадутъ никакихъ денегъ. Тогда Веллесплей вышелъ изъ себя и приказалъ Егору сказать казначею, что если онъ не выдастъ денегъ, то англичанинъ лично доложитъ объ этомъ императору. Это магически подѣйствовало, и Егоръ вернулся съ мѣшкомъ золота. Точно также, когда онъ неожиданно заболѣлъ лихорадкой, то Веллесплей былъ принужденъ просить, чтобы ему назначили одного или двухъ казаковъ для ухода за нимъ, его помѣщеніемъ и лошадью. Но ему на отрѣзъ отказали, и онъ снова вынужденъ былъ пригрозить докладомъ императору. Вслѣдъ за этой угрозой ему прислана была цѣлая дюжина казаковъ, изъ которыхъ онъ, конечно, оставилъ у себя только двоихъ. Даже близкіе друзья Веллеспля среди выдающихся русскихъ людей преслѣдовали его, хотя и шутками, но очень непріятными. Такъ Черевинъ, бывшій тогда полковникомъ и очень дружески относившійся къ нему, называлъ его въ шутку «коварнымъ Альбіономъ» и, завидѣвъ его издали, всегда восклицалъ: «Voici la perfide Albion, qui arrive».

Однако, несмотря на все это, самъ императоръ оказалъ ему неожиданное и драгоцѣнное довѣріе. 29-го іюля 1877 года, ему

пришлось случайно разговаривать послѣ обѣда съ генераломъ Милютинымъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ, не любившимъ разговаривать о военныхъ дѣлахъ, и потому англичанинъ былъ очень изумленъ, что онъ упомянулъ объ ужасахъ войны, неудачахъ русскаго войска и чрезвычайной своевременности предложенія какой нибудь иностранной державы своего посредничества. Веллеслэй отвѣчалъ, что, конечно, Англія была бы очень довольна, если бы какое нибудь дѣйствіе съ ея стороны послужило поводомъ къ скорѣйшему окончанію войны. Милютинъ спросилъ, чѣмъ Веллеслэй могъ бы доказать подобное настроеніе англійскаго правительства. Англичанинъ замѣтилъ, что онъ готовъ былъ взять на себя отвѣтственность за поѣздку въ Англію, если бы императоръ пожелалъ что нибудь лично сообщить правительству королевы. На этомъ кончился ихъ знаменательный разговоръ, и онъ не остался безъ послѣдствій. На слѣдующее утро Милютинъ объявилъ, что государь желаетъ его видѣть. «Я послѣдовалъ за нимъ,—разсказываетъ Веллеслэй,—и засталъ императора въ той самой комнатѣ и за тѣмъ самымъ столомъ, какъ въ предыдущее мое посѣщеніе. Онъ поздоровался со мной, предложилъ мнѣ папиросу, пригласилъ сѣсть и сказалъ: «Военный министръ увѣдомилъ меня, будто вы готовы поѣхать въ Англію, чтобы убѣдиться, согласно ли ваше правительство содѣйствовать заключенію мира. Дѣйствительно ли, любезный Веллеслэй, вы считаете возможнымъ поѣхать безъ разрѣшенія вашего правительства?» Я отвѣчалъ, что совершенно убѣжденъ въ согласіи Биконсфильда на подобную поѣздку. Вѣроятно, государь уже переговорилъ обо всемъ съ Милютинымъ и, быть можетъ, съ Игнатьевымъ, потому что продолжалъ безъ малѣйшаго колебанія: «Я готовъ заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ». И его величество медленно и внятно произнесъ свои условія. Потомъ онъ очень любезно поблагодарилъ меня за мою услугу, и я, записавъ его слова, насколько могъ, точно объявилъ, что мнѣ необходимо пойти домой и переписать ихъ, чтобы государь могъ прочесть этотъ важный документъ. На прощанье онъ произнесъ: «Въ двѣнадцать часовъ мой экипажъ съ эскортомъ будетъ ожидать васъ».

Еще не успѣлъ Веллеслэй кончить своей работы, какъ къ нему явился графъ Игнатьевъ, которому императоръ поручилъ узнать, когда будетъ готовъ документъ, и въ опредѣленное время зайти за нимъ. Черезъ часъ онъ вторично зашелъ и отнесъ бумагу къ императору, отъ котораго вернулся съ лестнымъ порученіемъ сказать Веллеслэю, что государь самъ не могъ бы такъ хорошо выразить свои мысли. Затѣмъ Веллеслэй отправилъ въ Лондонъ депешу съ извѣстіемъ, что онъ ѣдетъ по особому порученію русскаго императора. Черезъ десять дней онъ былъ уже въ Лондонѣ и, встрѣченный на станціи товарищемъ министра иностранныхъ

дѣлъ Буркомъ, былъ прямо отвезенъ въ Вайтголь къ лорду Биконсфильду. Не имѣя съ собою своихъ бумагъ, Веллеслэй объяснилъ на словахъ, какія условія допускаетъ русскій императоръ для заключенія мира съ Турціей. Лордъ Биконсфильдъ сказалъ, что это дѣло очень важное, и что ея величество, королева, была бы очень рада оказать содѣйствіе къ заключенію мира; но онъ прибавилъ, что послѣ отъѣзда Веллеслэя изъ императорской квартиры русскіе понесли новое пораженіе отъ турокъ, и потому Биконсфильдъ боялся, что они не согласятся на эти условія. Черезъ три недѣли Веллеслэй получилъ отвѣтную депешу отъ англійскаго правительства въ томъ же духѣ, и по этому поводу онъ замѣчаетъ: «Послѣдующія событія доказали, что турки сдѣлали бы хорошо, если бы приняли тогдашнія русскія условія, которыя были гораздо менѣе тяжки, чѣмъ тѣ, на которыя они принуждены были согласиться на Берлинскомъ конгрессѣ».

Возвратился Веллеслэй на войну въ началѣ сентября. Онъ засталъ тамъ попрежнему императора, который сначала намѣревался только проводить свою армію и пожелать ей успѣха, но обстоятельства заставили его остаться въ арміи до паденія Плевны, и, по мнѣнію англичанина, «успѣхомъ похода Россія одолжена исполнѣ императору», который, хотя не былъ Наполеономъ, но отличался спокойнымъ умомъ и здравымъ смысломъ, позволявшими ему благоразумно рѣшать спорный вопросъ и поддерживать эту рѣшимость съ твердостью. Въ доказательство своего мнѣнія Веллеслэй рассказываетъ любопытный анекдотъ, который случился во время его отсутствія и переданный ему товарищемъ, иностраннымъ военнымъ агентомъ, присутствовавшимъ при этомъ обстоятельствѣ. Императорская квартира перемѣняла свое мѣсто-пребываніе и переходила изъ Зимницы въ Павло, селеніе, расположенное въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Дуная. Перебравшись чрезъ рѣку, она не успѣла отойти далеко, какъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что турки двигались на Систово. Хотя подобное движеніе со стороны турокъ было невѣроятно, но въ свѣтѣ распространилось опасеніе за императора, тѣмъ болѣе, что главная квартира располагала немногочисленными военными средствами. Поэтому между генералами и офицерами возникла сильная паника, но императоръ, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, спокойно сошелъ съ лошади и послѣ непродолжительнаго размышленія отдалъ приказаніе собрать разсѣянные части эскорта и рѣшилъ, насколько возможно, противостоять непріятельской атакѣ. Единственнымъ доказательствомъ, что государь встревоженъ, было нервное постукиваніе ногой о саблю. Черезъ нѣсколько времени пришло другое извѣстіе, что телеграфистъ въ Систовѣ ошибся, введенный въ заблужденіе ложными слухами. Передавая этотъ рассказъ, Веллеслэй прибавляетъ: «Возможность того, что русскій

императоръ могъ въ этомъ случаѣ попасться въ плѣнъ къ туркамъ, была въ состояніи взволновать всякаго на его мѣстѣ, но Александръ II доказалъ, что въ такихъ случаяхъ онъ вполне способенъ сохранить хладнокровіе».

Относительно доброты государя къ солдатамъ Веллеслэй приводитъ два случая, при которыхъ онъ самъ присутствовалъ. Въ Зимницѣ государь доказалъ, какое вниманіе оказывалъ онъ раненымъ солдатамъ своими частыми посѣщеніями военнополевыхъ лазаретовъ, которые по этой причинѣ были «образцовыми». Государь особенно интересовался однимъ раненымъ, который при переходѣ черезъ Дунай получилъ пять пуль: въ шею и плечи. Несчастный пролежалъ на берегу четыре дня безъ пищи, поддерживая себя лишь водою изъ Дуная, и только на пятый день товарищи нашли его въ страшномъ положеніи. Перенесенный въ лазаретъ, онъ долгое время находился между жизнью и смертью; государь съ большимъ сочувствіемъ справлялся о немъ и, наконецъ, когда онъ сталъ поправляться, то лично надѣлъ ему на грудь георгіевскій крестъ. По несчастью, черезъ нѣсколько дней ему стало хуже, и онъ скончался. Въ этомъ же лазаретѣ императоръ увидѣлъ другого раненаго солдата, который рассказалъ ему, что убилъ шесть турокъ, и, по его словамъ, одинъ изъ нихъ былъ англичанинъ. Самъ Александръ II рассказалъ Веллеслэю въ видѣ шутки это хвастовство солдата. Гуманное вниманіе императоръ оказывалъ не менѣе, чѣмъ русскимъ, турецкимъ плѣннымъ, раздавая имъ папиросы. Наконецъ, въ доказательство, насколько государь былъ человѣченъ, Веллеслэй приводитъ одинъ фактъ, случившійся при немъ. «4-го іюля въ Зимницѣ,—говоритъ онъ,—мы всѣ обѣдали, когда по дорогѣ прошла похоронная процессія съ тѣломъ одного молодого офицера, утонувшаго во время перехода черезъ Дунай и найденнаго на берегу черезъ нѣсколько дней. Императоръ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ сопровожденіи всѣхъ насъ въ маленькую церковь, находившуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главной квартиры. Онъ простоялъ всю церемонію и, узнавъ, что нашли саблю и фуражку покойника, приказалъ отправить ихъ его матери».

6-го сентября началась бомбардировка Плевны и продолжалась пять дней, но русскимъ она не принесла никакой пользы. Веллеслэй 7-го числа просилъ у императора разрѣшенія поѣхать осмотрѣть поле битвы, долженствовавшей произойти на другой день. Государь отвѣчалъ очень добродушно: «Вы можете ѣхать, куда хотите, только, смотрите, чтобы васъ не убили».

Взявъ товарищемъ румынскаго полковника Катарджи, англичанинъ отправился прежде всего на русскую осадную батарею. Оказалось, что, несмотря на сильный турецкій огонь, не было нанесено ни малѣйшаго вреда ни ей, ни людямъ. Отправившись

дальше, Веллеслэй случайно набрелъ на главную квартиру 9-го армейскаго корпуса, которымъ командовалъ генералъ Крюденеръ. Онъ принялъ англичанина очень любезно и, увидавъ его изнуренное отъ голода лицо, предложилъ ему чаю и чернаго хлѣба, на что тотъ съ удовольствіемъ согласился. Было уже темно, и онъ легъ спать на сѣнѣ. Около одиннадцати часовъ его разбудилъ ружейный огонь турокъ, неожиданно наступавшихъ на главную квартиру Крюденера. Онъ мгновенно исчезъ со своей свитой и казаками, составившими эскортъ, оставивъ Веллеслэя, который очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Но огонь также неожиданно прекратился, какъ начался. Вскорѣ возвратился генералъ со своей свитой, но не надолго: снова въ долину раздалась пальба, и попрежнему старикъ Крюденеръ исчезъ со своей свитой и казаками. На этотъ разъ огонь казался дальше и черезъ короткое время прекратился. Встрѣтившись на слѣдующій разъ съ генераломъ, Веллеслэй спросилъ, въ чемъ было дѣло въ памятную ночь, но онъ отвѣчалъ уклончиво, и только въ послѣдствіи англичанинъ узналъ, что въ русской линіи отъ случайнаго выстрѣла произошла паника, и они стрѣляли другъ въ друга, причиняя при этомъ большую потерю въ людяхъ.

Третій штурмъ Плевны состоялся не на другой день, а на пятый день бомбардировки, 11-го сентября. Веллеслэй, стоя на холмѣ Радисова, прекрасно видѣлъ все побоище. Плевна находилась на южной оконечности подковообразнаго горнаго края, откуда многочисленные небольшіе овраги спускались съ горныхъ высотъ въ долину. У турокъ не было достаточно войска, чтобы занять всѣ высоты, а потому они довольствовались тѣмъ, что расположили свои укрѣпленія на западной и сѣверной сторонахъ горъ. Атака не могла начаться рано, потому что густой туманъ скрывалъ Плевну, и только къ двѣнадцати часамъ онъ разсѣялся, «и проглянуло солнце», но, несмотря на то, не было видно ни малѣйшаго признака жизни въ турецкихъ редутахъ, которые устроилъ на горахъ Османъ-паша съ такимъ трудомъ и такой энергіей. Въ 3 часа русскія войска наконецъ двинулись впередъ, сойдя съ холмовъ въ долину. Но они не замѣтили, что тамъ тянулись траншеи, откуда открылся убійственный огонь. Храбро одолѣвъ три или четыре траншеи, они бросились на штурмъ возвышавшагося предъ ними редута, и адскій пушечный и ружейный огонь встрѣтилъ штурмующія колонны. Изъ Плевны поспѣшили на помощь туркамъ громадныя силы, и русскіе принуждены были отступить или бѣжать, какъ выражается англичанинъ. Однако, онъ замѣчаетъ, что это нисколько не говоритъ противъ храбрости русскихъ солдатъ, и «если кто нибудь виноватъ въ этой катастрофѣ, то неспособные начальники». Послѣ неудачи первой атаки русскихъ послѣдовала вторая и третья. Вслѣдъ за окончательнымъ

пораженіемъ все было кончено, и къ позору турокъ надо прибавить, что они соскочили съ парапета своего укрѣпленія и стали избивать раненыхъ, валявшихся повсюду. Точно такъ же, какъ въ этой мѣстности, такъ и на всей линіи русскіе потерпѣли поражение. Имъ только удалось удержать за собою взятый ими Гривицскій редутъ.

На слѣдующее утро Веллеслэй поѣхалъ осматривать этотъ редутъ, который былъ первымъ турецкимъ укрѣпленіемъ, взятымъ русскими въ Плевнѣ. Это пришлось ему сдѣлать съ нѣкоторой опасностью, потому что, добравшись до внутренности редута, ему надо было ради безопасности низко нагибаться отъ дождя военныхъ снарядовъ. Пристально осмотрѣвшись вокругъ себя, англичанинъ убѣдился, что внутренность редута была наполнена мертвыми и ранеными. «Такого зрѣлища,—говоритъ онъ,—я никогда не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Это было что-то ужасное, отвратительное, страшное. Я могъ бы наполнить безконечныя страницы описаніемъ того, что я здѣсь видѣлъ, но это не поддается описанію». Мертвые были счастливѣе, но положеніе раненыхъ, о которыхъ никто не заботился, которымъ никто не давалъ ни куска хлѣба, ни капли воды, было сверхъ всякаго описанія, кромѣ того, во всемъ редутѣ стояло удушливое зловоніе. На слѣдующіе дни Веллеслею случилось видѣть безконечное количество раненыхъ, которые тянулись по сосѣднимъ дорогамъ; они находились въ самомъ ужасномъ положеніи, но, несмотря на то, что они были русскіе, никто изъ начальства не обращалъ на нихъ вниманія. Англичанинъ рассказываетъ, что онъ былъ сильно пораженъ ужаснымъ положеніемъ, въ которомъ находился одинъ раненый, лежавшій на краю дороги съ сильно раздробленной рукой, и предложилъ ему взобраться, если онъ въ силахъ, на мою лошадь. Когда тотъ на это согласился, то Веллеслэй посадилъ его, и одной рукой управлялъ лошадью, а другой поддерживалъ раненаго. «Мы не прошли и двухъ шаговъ,—рассказываетъ онъ,—какъ насъ нагналъ въ коляскѣ одинъ генералъ съ интендантскимъ офицеромъ. Онъ остановился и, заговоривъ со мною,—такъ какъ я его зналъ,—замѣтилъ, что напрасно я такъ заботился о солдатѣ. Видя, что я нимало не хотѣлъ оставить несчастнаго, онъ предложилъ мнѣ взять его въ свой экипажъ, но очевидно дѣлалъ это безъ малѣйшаго сочувствія. Я отвѣчалъ сердитымъ тономъ, что по дорогѣ было много раненыхъ, которымъ слѣдовало помочь. Генералъ пожалъ плечами и поѣхалъ далѣе. Черезъ нѣсколько минутъ меня нагналъ другой генералъ съ адъютантомъ: это былъ отецъ знаменитаго Скобелева. Они, напротивъ, остановились и съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ несчастному, немедленно взявъ его въ свой экипажъ, чему я очень былъ радъ, такъ какъ раненый очевидно изнемогалъ. Впослѣдствіи я узналъ, что несчастный умеръ, достигнувъ лазарета».

Послѣ рокового пораженія русскихъ 13-го сентября, императоръ собралъ военный совѣтъ на маленькомъ холмѣ противъ Гривицкаго редута. Тамъ присутствовали великій князь Николай, румынскій князь, командовавшій войсками, расположенными вокругъ Плевны, военный министръ Милютинъ, начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ Непокойчицкій, его помощникъ, Левицкій, и начальникъ штаба румынскаго князя, Зотовъ. Веллеслэй при этомъ не было, но обо всемъ происходившемъ ему рассказалъ присутствовавшій при этомъ офицеръ. Государь прямо поставилъ вопросъ, что дѣлать и какъ дѣйствовать послѣ понесенной неудачи. Прежде всѣхъ говорилъ великій князь Николай, и, по его мнѣнію, слѣдовало отступить къ Дунаю, гдѣ соорудить *tête-de-pont* для обороны отъ турецкой атаки и тамъ оставаться до полученія подкрѣпленія изъ Россіи. Тогда императоръ обратился къ военному министру и спросилъ его: «А ты что думаешь, Милютинъ?» Онъ отвѣчалъ: «Я долженъ не согласиться съ его императорскимъ высочествомъ, хотя я вполне согласенъ съ тѣмъ, что мы понесли тяжелое пораженіе, но я полагаю, что Османъ-паша не достаточно силенъ и предпримчивъ, чтобы напасть на насъ, и даже, если бы я ошибся, то нахожу недостойнымъ для чести русской арміи отступить, какъ предлагаетъ великій князь. Мой совѣтъ—послать за подкрѣпленіями, но ждать ихъ на теперешней позиціи». Великій князь возразилъ: «Если таково ваше мнѣніе, генералъ Милютинъ, то лучше вамъ самому взять командованіе арміей». Тутъ въ разговоръ вмѣшался императоръ: «Нѣтъ, вы останетесь главнокомандующимъ, но планъ, предложенный военнымъ министромъ, будетъ исполненъ».

Этотъ эпизодъ вполне былъ подтвержденъ другимъ, при которомъ лично присутствовалъ Веллеслэй. Въ тотъ день, когда пала Плевна, утромъ государь съ своей свитой стоялъ на парапетѣ редута, съ котораго открывался видъ на долину, гдѣ находилась Плевна. Великій князь Николай видѣлся внизу съ своимъ эскортомъ. Государь съ нетерпѣніемъ ждалъ подтвержденія извѣстія о сдачѣ Османа-паши и, когда оно было доставлено, то схватилъ за руку военнаго министра и сказалъ ему: «Милютинъ, я жалую тебѣ орденъ св. Георгія первой степени». На это министръ отвѣчалъ: «Ваше величество, я не достоинъ этого, потому что я самъ не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а только состоялъ при вашемъ велиествѣ». Тогда императоръ указалъ рукой на тотъ холмъ, гдѣ происходилъ совѣтъ 13-го сентября, и произнесъ: «Я обязанъ Плевной вамъ. Неужели вы думаете, что я когда нибудь забуду тотъ совѣтъ, который вы мнѣ дали на томъ холмѣ, и если бы онъ (при этомъ государь указалъ на своего брата, видѣвшагося вдали) былъ здѣсь, то теперь, въ моемъ присутствіи, поблагодарилъ бы васъ за данный вами совѣтъ».

Долго Великій князь Николай Николаевичъ упорно сопротивлялся вызову на войну Тотлебена по причинѣ того, какъ увѣряетъ Веллеслэй, что у него былъ зубъ противъ него еще по инженернымъ дѣламъ въ Петербургѣ, потому что Тотлебенъ старался истребить хищенія въ инженерномъ вѣдомствѣ, что было не по нутру любимцамъ великаго князя. Однако неудача подъ Плевной заставила императора настоять на порученіи Тотлебену правильной осады турецкой твердыни. 28-го сентября севастопольскій герой прибылъ въ армію, и, по словамъ Веллеслэя, въ короткое время произошла удивительная перемѣна въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ возростаніи общаго уваженія, справедливо заслуженнаго Тотлебенѣмъ, и въ неудовольствіи противъ прежнихъ начальниковъ, напрасно тратившихъ время на неудачныя дѣйствія. Въ то время императорская квартира была переведена въ Горный-Студень, и однажды англичанину понадобилось сѣздить въ Боготъ, гдѣ была расположена квартира великаго князя Николая.

Его подвезти взялся ѣхавшій туда генераль-адъютантъ, графъ Мейндорфъ. По дорогѣ они встрѣтили Тотлебена, который тогда былъ, въ сущности, начальникомъ всѣхъ военныхъ дѣйствій подъ Плевной. Оба экипажа остановились, и всѣ вышли. Тотлебенъ, всегда имѣвшій пристрастіе къ Англіи и англичанамъ, любезно пожалъ руку Веллеслэю. Потомъ онъ отошелъ съ Мейндорфомъ на нѣсколько шаговъ и заговорилъ съ нимъ по-русски, не подозревая, что англичанинъ зналъ этотъ языкъ. На вопросъ Мейндорфа, долго ли выдержитъ Плевна,—Тотлебенъ отвѣчалъ: «Согласно свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ болгарскими шпіонами, я не полагаю, чтобы у Османа-паши было продовольствія болѣе, чѣмъ на три недѣли». — «Что же онъ тогда сдѣлаетъ?» — спросилъ его собесѣдникъ. — «Вылазку или прикажетъ туркамъ искать спасенія, какъ кто можетъ, бросившись стремглавъ въ Балканы», — отвѣчалъ Тотлебенъ. — Я даже не могу предположить, что онъ сдѣлаетъ, но я только знаю, что если онъ рѣшится итти на проломъ, то я встрѣчу его съ шестидесяти-тысячной арміей». Запомнивъ этотъ знаменательный разговоръ, Веллеслэй въ тотъ же вечеръ телеграфировалъ въ Лондонъ, что Плевна не выдержитъ долѣе мѣсяца. Его предсказаніе или подслушанное имъ замѣчаніе Тотлебена оправдалось.

Дѣйствительно, 10-го декабря, на разсвѣтѣ турки сдѣлали смѣлую вылазку на направленію къ Виду. Сначала она имѣла полный успѣхъ, но только временный, и русскіе, стянувъ свои силы, опрокинули непріятеля. Около двѣнадцати часовъ дня въ Плевнѣ былъ поднятъ бѣлый флагъ, означавшій, что Османъ-паша сдается со всей арміей. На другой же день въ редутѣ Османа былъ отслуженъ молебенъ въ присутствіи императора, великаго князя Николая, ихъ свитѣ и представителей всей арміи. По окон-

чаніи религіозной церемоніи, всѣ отправились вслѣдъ за императоромъ въ Плевну, гдѣ былъ накрытъ на свѣжемъ воздухѣ роскошный завтракъ, который, по словамъ Веллеслэя, можно приготовить только на императорской кухнѣ. Во время завтрака явился Османъ-паша; онъ вышелъ изъ коляски, опираясь раненой рукой на турецкую слугу, а другой—на казака. Въ толпѣ русскихъ, какъ увѣряетъ англичанинъ, раздались возгласы: «Браво, Османъ!» и на ихъ лицахъ показались слезы. Едва двигаясь, онъ прошелъ въ домъ, отведенный императору, и тамъ получилъ отъ него свою саблю, въ доказательство императорскаго уваженія къ его храбрости.

Этимъ кончилось присутствіе Веллеслэя при военныхъ дѣйствіяхъ въ Турціи, такъ какъ вскорѣ императоръ уѣхалъ въ Россію, и безъ него англійскія власти не признали удобнымъ дальнѣйшее пребываніе Веллеслэя въ арміи. Онъ немедленно собрался въ путь и отправился въ Англію. Болѣе Веллеслэй не возвращался въ Россію съ официальнымъ порученіемъ, но бывалъ нѣсколько разъ частнымъ человѣкомъ. Его отношенія къ восточной войнѣ, однако, не прекратились по его возвращеніи въ Англію. Лордъ Биконсфильдъ потребовалъ его къ себѣ въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о переходѣ русскихъ зимою черезъ Балканы. Англійскій первый министръ спросилъ своего бывшего военного агента, можетъ ли онъ поручиться, что русская армія не достигнетъ Адрианополя раньше шести недѣль. Веллеслэй отвѣчалъ, что, по его соображеніямъ, это событіе могло совершиться гораздо скорѣе, именно въ теченіе мѣсяца. Лордъ Биконсфильдъ былъ очень опечаленъ этими словами и произнесъ съ мрачнымъ выраженіемъ: «Если бы вы могли мнѣ гарантировать шесть недѣль, то мнѣ ясно было бы, что дѣлать». Веллеслэй увѣряетъ, что лордъ Биконсфильдъ намекалъ на посылку англійскихъ войскъ съ Мальты въ Константинополь, чего нельзя было сдѣлать ранѣе шести недѣль. При этомъ онъ прибавляетъ, что впоследствии онъ узналъ, будто его телеграмма о паденіи Плевны съ прибавленіемъ, что русскіе могутъ зимою перейти черезъ Балканы, была сообщена лорду Биконсфильду, съ надписью военного министерства: «Полковникъ Веллеслэй, очевидно, не знаетъ того, о чемъ онъ говоритъ; Балканы никогда не были и не могутъ быть перейдены зимою». Къ этому Веллеслэй самонадѣянно прибавляетъ: «Если это справедливо, то первый министръ, повѣривъ военному министерству о невозможности перейти Балканы зимою, отложилъ движеніе англійскихъ войскъ съ Мальты до тѣхъ поръ, пока было поздно».

Одну изъ послѣднихъ главъ своей книги Веллеслэй посвящаетъ характеристикѣ передовыхъ государственныхъ людей Россіи того времени: Милютина, Игнатъева и Шувалова. О первомъ онъ отзывался съ величайшемъ уваженіемъ и необыкновенной похвалой,

Милютинъ, по его словамъ, вполне заслужилъ глубокую благодарность Россіи не только за его услуги во время восточной войны, но и за безконечныя реформы, введенныя имъ въ военномъ вѣдомствѣ во время его управленія министерствомъ. Кромѣ того, онъ отличался вообще либеральнымъ настроеніемъ и былъ чрезвычайно гуманнымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ Лорисъ-Меликовымъ и Абазой онъ находился во главѣ либеральной группы русскихъ государственныхъ людей. Что касается Игнатъева, то лично ихъ сношенія были самыя дружественныя, но нельзя сказать, чтобы Веллеслэй лестно его рисовалъ, какъ дипломата и министра. Онъ приводитъ о немъ между прочимъ два характеристичные анекдота, которые оба относятся къ восточной войнѣ. Во-первыхъ, онъ однажды, послѣ обѣда гулялъ по берегу Дуная съ двумя подозрительными личностями. Замѣтивъ невдалекѣ присутствіе Веллеслэя, онъ быстро подошелъ къ нему и спросилъ: «Вы знаете, кто эти два человѣка, съ которыми я разговаривалъ?» Англичанинъ отвѣчалъ, что онъ нимало не подозрѣвалъ ихъ происхожденія или національности.—«Это два греческихъ купца,—продолжалъ онъ:—ихъ выселили изъ Константинополя по подозрѣнію въ шпіонствѣ въ пользу русскихъ, и, узнавъ о моемъ пребываніи здѣсь, они пріѣхали сюда, чтобы выпросить мое покровительство для возвращенія въ Константинополь. Вотъ такъ мысль, что они русскіе шпіоны! Да они не знаютъ ни одного слова по-русски». Не успѣлъ генералъ вымолвить этой фразы, какъ обѣ подозрительныя личности догнали его и спросили на прекрасномъ русскомъ языкѣ, что онъ прикажетъ имъ дѣлать. «Я не могъ удержаться отъ удивленія, какъ скоро греческіе купцы выучились по-русски,—замѣчаетъ Веллеслэй.—Графъ громко разсмѣялся, но, нимало не смутясь, что онъ былъ пойманъ съ поличнымъ, перемѣнилъ разговоръ, продолжая бесѣдовать со мною, точно ничего не случилось». Въ другой разъ, словно забывъ о своихъ близкихъ отношеніяхъ къ шпіонамъ, онъ увѣрялъ Веллеслэя, что однажды въ Константинополѣ, гдѣ онъ былъ посланникомъ, одинъ турецкій паша предложилъ ему продать планъ защиты Стамбула, составленный англійскими инженерами.—«Это было слишкомъ!—воскликнулъ Игнатъевъ,—предложить мнѣ такой недружественный поступокъ относительно моего друга Солсбери! Какъ можно было полагать, что я соглашусь на такое подлое предложеніе? Я, конечно, съ презрѣніемъ отказался и сказалъ Солсбери, чтобы онъ въ другой разъ довѣрялъ болѣе надежнымъ лицамъ».

Веллеслэй считаетъ замѣчательнымъ, что Игнатъевъ, ненавидя Англію, всегда только и мечталъ о своемъ назначеніи посломъ въ Лондонъ, а съ другой стороны графъ Шуваловъ, получившій этотъ постъ, нимало этого не желалъ. «Исторія этого назначенія почти не извѣстна,—разсказываетъ онъ:—въ продолженіе нѣсколькихъ

лѣтъ Шуваловъ занималъ постъ шефа жандармовъ и, несмотря на всю вышнюю очаровательность своихъ манеръ, управлялъ такой желѣзной рукой, что пугалъ всѣхъ, имѣвшихъ до него дѣло. Но онъ имѣлъ огромное вліяніе на императора и поддерживалъ свою силу постоянными предложеніями подать въ отставку. Наконецъ, терпѣніе государя лопнуло, и однажды утромъ въ Эмсѣ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ Шуваловымъ, императоръ сказалъ: «Поздравляю тебя, Шуваловъ, съ назначеніемъ на постъ посла въ Лондонъ!» Дѣлать было нечего, и Шувалову пришлось разсыпаться въ благодарностяхъ за новыя милости. Апоеозомъ его дипломатической силы, а въ то же время и концомъ его славы былъ Берлинскій конгрессъ, о которомъ Веллеслэй приводитъ любопытный анекдотъ. На одномъ изъ засѣданій конгресса Горчаковъ неожиданно шепнулъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Шувалову: «Что это—измѣна?» Шуваловъ съ изумленіемъ взглянулъ на канцлера, а тотъ, указавъ на карту, лежавшую предъ лордомъ Биконсфильдомъ, промолвилъ: «Посмотрите, у него наша тайная карта!» На русской тайной картѣ, по словамъ Веллеслэя, бывшей только въ одномъ экземплярѣ, было три черты: одна красная, означавшая границу, желаемую Россіей, вторая синяя, показывавшая, насколько она уступитъ, и третья, выражавшая крайнее ея согласіе въ случаѣ неуспѣха. Графъ Шуваловъ вздрогнулъ и съ отчаяніемъ взглянулъ на столъ: предъ Горчаковымъ лежала тайная англійская карта. Оказалось, что наканунѣ престарѣлые дипломаты случайно перепутали ихъ.

Послѣ этого Веллеслэй по обычаю всѣхъ англійскихъ писателей о Россіи посвящаетъ нѣсколько страницъ индійскому вопросу. Онъ полагаетъ, что, хотя многіе русскіе рассчитываютъ на возможность русскаго похода въ Индію, англичанамъ нечего этого бояться, если они будутъ держаться твердой и непреклонной политики, а не попрежнему дѣйствовать нерѣшительно и слабо. Вообще онъ говоритъ, что Англіи было бы полезно заключить съ Россіей тѣсный союзъ, «конечно, если послѣдняя отказалась бы отъ своей политики относительно Польши, Финляндіи, евреевъ и армянъ». Наконецъ, въ небольшомъ заключеніи своей книги Веллеслэй увѣряетъ, что одинъ его пріятель русскій говорилъ ему по поводу восточной войны: «Я желаю, чтобы Россія потерпѣла пораженіе; вы сочтете это за непатріотическое чувство съ моей стороны. Напротивъ, я люблю мое отечество и желаю ему военнаго униженія, потому что отъ этого произойдетъ неминуемое воскресеніе моей родины. Ничто, кромѣ ужасной катастрофы, не можетъ до очевидности доказать всю гнилость бюрократіи, которая довела правительство до невозможности дальнѣйшаго существованія». Эти слова Веллеслэй вполнѣ примѣняетъ къ современному состоянію Россіи, но онъ совершенно ошибается, увѣряя, что ни одинъ просвѣщенный и здравомыслящій русскій не полагаетъ, что Россія дозрѣла до желаемой нѣко-

торыми безумцами реформы—введенія представительнаго правительства. Онъ считаетъ, что единственная возможная для Россіи реформа заключается въ медленномъ, осторожномъ, постепенномъ введеніи различныхъ улучшеній общественной жизни. И это онъ говорилъ въ концѣ декабря прошедшаго года, а черезъ полгода дѣйствительно осуществилась великая реформа—введеніе въ Россіи русской конституціи въ большей или меньшей степени.

В. Тимирязевъ.

